

Педагогика и просвещение

Правильная ссылка на статью:

Болаева Г.Б. Различия характеристик психологического пространства у студентов разной этнической принадлежности // Педагогика и просвещение. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0676.2025.4.77411 EDN: SHZGRO
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77411

Различия характеристик психологического пространства у студентов разной этнической принадлежности

Болаева Герел Баатровна

ORCID: 0009-0000-8972-8943

старший преподаватель; факультет педагогического образования и биологии; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

✉ gbbolaeva@gmail.com



[Статья из рубрики "Профессиональное образование"](#)

DOI:

10.7256/2454-0676.2025.4.77411

EDN:

SHZGRO

Дата направления статьи в редакцию:

22-12-2025

Дата публикации:

29-12-2025

Аннотация: Предметом изучения в данной статье рассматриваются характеристики психологического пространства личности студентов разных национальностей (калмыки и русские). Целью нашего исследования является выявление различий в характеристиках психологического пространства у студентов разной этнической принадлежности. В качестве анализа научной литературы рассматривались работы К. Левина, С. К. Нартова-Бочавер, К. В. Мартиросян, С. Ю. Ждановой и В. С. Краевой. Выборку исследования составили две группы студентов в возрасте от 18 до 23 лет по 40 человек в каждой РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева (г. Москва) и КГУ им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста). Калмыцкие студенты демонстрируют более высокие значения по следующим показателям: суверенность территории, вещей, привычек, ценностей и общая суверенность. Для русских студентов характерны более высокие показатели значимости

привычек. В качестве методов использовались: метод анализа научной литературы, дескриптивный метод, метод категоризации, метод экспертных оценок и т.д. Методики : опросник «Суверенность психологического пространства» С.К. Нартовой-Бочавер и методика Г. В. Шуковой «Витаграмма». Математическая обработка происходила с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Научная новизна данной работы заключается в проведении первого сравнительного исследования характеристик психологического пространства и внесения новых эмпирических данных о нем в рамках изучения русской и калмыцкой национальностей. Студенты калмыки демонстрируют более выраженную суверенность, что может быть связано с традиционным укладом жизни, патриархальными традициями, акцентом на территориальную автономию и уважение к личным границам. Для русских студентов характерны более высокие значения по показателям значимости привычек, то есть многие элементы их психологического пространства связаны на каждодневных привычных действиях. Возможно, русские студенты не имеют значимых различий как у калмыков в силу повсеместного проживания на территории страны и влияния жизни в мегаполисе. Полученные данные могут в дальнейшем использоваться в межкультурном диалоге, адаптации и процессе обучения студентов в высших учебных заведениях, однако требуют дальнейшего изучения.

Ключевые слова:

психологическое пространство, студенты, этническая принадлежность, национальность, характеристики психологического пространства, суверенность психологического пространства, психологическая безопасность, русские, калмыки, значимость

Согласно данным Росстата в Российской Федерации проживают более 190 национальностей, которые сосуществуют на территории единого государства [\[1\]](#). Однако в силу исторических, социальных и культурных особенностей между этими национальностями существуют различия восприятия своего психологического пространства и нам представляется актуальным изучить этот вопрос для дальнейшего использования в межкультурном диалоге, адаптации и процессе обучения студентов в высших учебных заведениях. Научная новизна данной работы заключается в проведении первого сравнительного исследования характеристик психологического пространства на фоне дефицита исследований психологического пространства личности калмыков и внесения новых эмпирических данных о нем в рамках изучения русской и калмыцкой национальностей.

Обращая внимание на конструкт «психологическое пространство», одни из первых исследований жизненного пространства в психологии стала работа Курта Левина, где он поставил перед психологами вопрос о том, с какой средой взаимодействует человек. Он полагал, что истинной средой обитания личности является не физическая реальность и не социальная среда, а лишь те их фрагменты, которые отражены в сознании человека и на которых основывается его поведение [\[4, с. 20\]](#). Курт Левин определял мир каждого индивида как динамическое жизненное пространство, состоящее из областей, представляющих цели объекты, желания и поведенческие тенденции, подходящие человеку. В связи с этим он предложил рассматривать человека и его среду как одно стечение взаимозависимых факторов, а совокупность этих факторов получила название жизненного пространства [\[10, 11\]](#).

Основываясь на работах Левина определение понятию «пространства» дала С. К. Нартова-Бочавер, которая говорит о психологическом пространстве личности как «... субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека», и подчеркивает, что «...психологическое пространство включает комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет (территорию, вещи, социальные привязанности, установки и др.) [\[9, с. 31\]](#). С.К. Нартова-Бочавер в качестве первой важной идеи К. Левина, которая стала частью современной психологии, выделяет, идею собственно психологического пространства, которое является «...аналогом поля» или определяется так: «...психологическая среда как она существует для него (человека) (поле, включающее потребности, мотивы, настроения, цели, идеалы, состояния)... Поскольку потребности, идеалы и состояния не могут быть беспредметными, они неизбежно связаны с чем-то эмпирически представленным, - местами, вещами или идеями». Вторая идея Левина - положение о структуре психологического пространства и о том, что в этой структуре могут быть «избыточность» и «пустоты», которые можно рассматривать в качестве индикаторов «сбалансированности» содержания психологического пространства или идея о взаимозависимости составляющих психологического пространства. Эта идея об избыточности/дефицитарности послужила прообразом своеобразных зон депривации и на их основе Нартова-Бочавер создала шесть «значимых сфер бытия» разная ступень суверенности границ которых и рассматривается во взаимосвязи с психологическим здоровьем субъекта. К «значимым сферам бытия» или «границам» относятся: «тело», «вещи», «территория», «привычки» (временная регламентация жизни), «социальные связи» и «ценности», а также выделяется общий показатель суверенности психологического пространства личности. Что касается понимания этих «границ» в контексте эмпирики и методологии исследования психологического пространства, то, с одной стороны, обозначают зоны актуальных, значимых для человека элементов жизненного пространства, буквально «место» определенного элемента в жизненном пространстве. С другой стороны, интерес представляют качественные показатели этих границ: фундаментальность, акцентированность, основательность либо, наоборот, размытость, пористость и проницательность. Такой ракурс понимания границ был операционализирован С.К. Нартовой-Бочавер с помощью конструкта «суверенность психологического пространства личности», который на сегодняшний день является валидным рабочим «инструментом» в современной психологии. «Суверенность» определяется как состояние границ психологического пространства, а само психологическое пространство как «...субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека, включающий комплекс физических, социальных и психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет» [\[8, 10\]](#).

Исследования в области изучения психологического пространства представителей различных этносов и национальностей ведется уже не первый год. Одно из таких исследований работа С. Ю. Ждановой В. С. Краевой о психологической безопасности российских и китайских студентов, проживающих в общежитии, тестов переплетается с понятиями «психологическое пространство» и «суверенность психологического пространства». Была обнаружена общая подверженность психологической незащищенности у российских и китайских студентов, однако ресурсы и структура безопасности носят выраженный культурный характер. Ключевое различие заключается в том, что для российских студентов основой безопасности являются ощущение прочности среды и защищенность границ тела и личных вещей, в то время как для китайских студентов центральную роль играют качество социальных связей и

устойчивость ценностей. Таким образом, психологическое пространство и безопасность формируются в результате взаимодействия универсальных личностных факторов (автономность, границы) и специфических культурных паттернов [\[3, с. 152\]](#).

Во следующей работе Е.О. Шамшикова описывает различия показателей суверенности психологического пространства у русских и казахских подростков, описывая почти одинаковые показатели по некоторым показателям методик (они приходятся на средние значения). Но по показателям «суверенность физического тела», «суверенность вещей» и «общая суверенность» были найдены различия. Подростки из казахских семей реже получают телесные наказания, уверенно распоряжаются личными вещами, не так чувствительны к давлению извне, во взаимоотношениях с окружающим миром и людьми способны демонстрировать и сохранять свою автономию. Русские подростки, с другой стороны, подвергаются большему ограничению от своих семей, из-чего формируют более непроницаемые границы, увеличивают расстояние между собой и окружающими, чаще применяют в повседневной жизни первичные защитные механизмы [\[13, с. 183\]](#).

Еще одной работой является исследование С. Я. Телегиной о психологической суверенности подростков, проживающих в родной и неродной культуре. В ее работе описано, что подростки, которые идентифицировали себя как носителя иной культуры (не преобладающей в данной местности), имели более низкие характеристики суверенности психологического пространства, чем подростки, идентифицирующие себя к местной культуре (преобладающей в этой местности). Разногласие исходной и местной культур ограничивает общее состояние личности человека. Так же было замечено, что чем старше подросток тем сильнее это выражается [\[12, с. 156\]](#).

Другим немаловажным исследованием можно считать работу К. В. Мартиросян об особенностях суверенности психологического пространства студентов в контексте этнической идентичности на примере русских и армянских студентов. Проведенное исследование выявило этническую специфику в структуре психологического пространства и типах этнической идентичности у армян и русских. У армян сильнее выражены чувство территории, привязанность к вещам и социальным связям, а также чаще встречаются активные, обособляющие типы идентичности («этноэгоизм», «этноизоляционизм»). У русских выше уровень безразличия к своей этничности («этническая индифферентность»). Установлена взаимосвязь между суверенностью психологического пространства и этнической идентичностью. Нормальная, здоровая суверенность связана с позитивной этнической идентичностью. Чрезмерная жесткость границ (сверхсуверенность) коррелирует с эгоизмом и изоляционизмом в этническом самосознании. Нарушенные, слабые границы (депривированность), в свою очередь, сопряжены с индифферентностью к своей этнической принадлежности [\[6, с. 421\]](#).

Э. А. Зелетдинова, В. В. Дьякова в своем исследовании укорененность как аспект анализа региональной идентичности в четырех соседствующих южных регионах - Астраханской и Волгоградской областях, Республике Калмыкия и Республике Дагестан пришли к выводам, что для населения национальных республик существенным фактором служит региональное самоопределение, которое подкрепляется не только персональной и семейной укорененностью, но и этнической идентичностью. Также авторы пишут: «Взаимодействие «малая родина - семья - этнос» - результат сплетения социально-культурных связей между членами одной национальности на конкретной территории в течение относительно долгого исторического периода, формирующийся под влиянием социально-политических факторов, воздействующих на этническую, территориальную, культурную (а иногда и семейную) целостность» [\[5, с. 25\]](#).

Материалы и методы исследования.

Целью нашего исследования является выявление различий в характеристиках психологического пространства у студентов разной этнической принадлежности, а именно между калмыками и русскими.

Исходя из поставленной цели, мы приходим к следующим задачам: во-первых, проанализировать теоретический материал и уже имеющиеся исследования по теме психологического пространства различных этносов и национальностей; во-вторых, выявить и проанализировать характеристики психологического пространства у русских и калмыков; в-третьих, сравнить полученные характеристики психологического пространства и выявить различия.

Нами была сформирована гипотеза о наличии значимых различий по характеристикам психологического пространства между группами русских и калмыцких студентов.

В качестве методов в работе использовались: анкетирование, метод анализа научной литературы, дескриптивный метод, метод категоризации, метод экспертных оценок, статистические методы (коэффициент Альфа Кронбаха, критерий Колмогорова-Смирнова, U-критерий Манна-Уитни). В качестве методик исследования использовались опросник «Суверенность психологического пространства», разработанный С.К. Нартова-Бочавер и методика графического представления жизненного мира, изначально разработанная Э. Г. Эйдемиллером, В. В. Юстицкисом как «Семейная социограмма» и модифицированная Г. В. Шуковой как «Витаграмма», для обработки которой использовался метод экспертных оценок группой из пяти студентов-бакалавров четвертого курса очного обучения, направления «Педагог-психолог», не принимавшие участия в исследовании как испытуемые [7, 14, 15]. Испытуемым необходимо было внутри большого круга расположить в виде кругов меньшего размера наиболее важные для себя «элементы» жизни. Все бланки представляли собой анонимные, зашифрованные данные, не дающие возможности для точной идентификации испытуемого, была убрана вся информация из анкеты участника. Оценка проходила согласно заявленным авторами возможностям анализа, предоставленными в тексте самой методики. Приведенные по этой методике категории эксперты распределяли оценки по группам для простоты понимания по аналогии с классификацией С. К. Нартовой-Бочавер, то есть:

1. «значимость физического тела»;
2. «значимость территории»;
3. «значимость ценностей»;
4. «значимость социальных связей»;
5. «значимость вещей»;
6. «значимость привычек».

То есть приведенные данные по методике «Витаграмма» (например, дом, семья, работа) определялись экспертами в одну из указанных выше категорий. Далее воспользуемся коэффициентом Альфа Кронбаха для расчета приемлемого уровня надежности согласованности экспертов:

Таблица 1 – результат расчета коэффициента Альфа Кронбаха

Сводный отчет по наблюдениям

Сводный отчет по исследованию		N	%
Наблюдения	Валидные	9	11,25
	Исключено ^a	71	88,75
	Всего	80	100,0
а. Исключение целиком на основе всех переменных в процедуре.			
Статистика надежности			
Альфа Кронбаха	N элементов		
,738	13		

Выборку исследования составили две группы студентов в возрасте от 18 до 22 лет по 40 человек в каждой:

1. Группа русских студентов (далее – группа один), обучающихся в Российский государственный аграрный университет (Московская сельскохозяйственная академия) им. К. А. Тимирязева, родившихся, проживших большую часть жизни и проживающих в настоящее время в г. Москве и Московской области. Среди них 11 мужчин (27,5 %) и 29 женщин (72,5 %).

2. Группа калмыцких студентов (далее – группа два), обучающихся в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова, родившихся, проживших большую часть жизни и проживающих в настоящее время в г. Элиста и на территории Республики Калмыкия. Среди них 18 мужчин (45 %) и 22 женщины (55 %).

Все испытуемые обучаются с 1 по 4 курсы таких направлений как "агрономия", "зоотехния", "ветеринария" и "строительство", которые одинаково представлены в этих вузах.

Прежде чем начать статистические исследования выборки нам необходимо провести проверку данных, полученных с помощью вышеперечисленных методик, на соответствие закону нормального распределения данных по критерию Колмогорова-Смирнова.

Таблица 2 - результат расчета критерия Колмогорова-Смирнова для проверки нормальности распределения выборок

Показатель	N	Нормальность распределения, p
Значимость Физического тела	80	0,38284
Значимость Территории	80	0,00088
Значимость Вещей	80	0,68483
Значимость Привычек	80	0,59759
Значимость Социальных связей	80	0,02240
Значимость Ценностей	80	0,0094
Суверенность Физического тела	80	<0,001
Суверенность Территории	80	<0,001
Суверенность Вещей	80	<0,001
Суверенность Привычек	80	<0,001
Суверенность Социальных связей	80	<0,001

Суверенность Ценностей	80	0,01016
Общая суверенность	80	0,00401

По итогам проверки подчиняется нормальному закону распределения только по 5 характеристикам. Распределение остальных 8 характеристик из двух методик не подчиняется нормальному закону. По этой причине в дальнейшей работе мы использовали для обработки данных только непараметрический метод. Математическая обработка происходила путем анализа сравнения выраженности средних рангов измеренных показателей – структурно-содержательных характеристик психологического пространства с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Анализ проводился с использованием методов математической статистики и обработки эмпирической информации с помощью пакета IBM SPSS Statistics 23 (Statistical Package for the Social Sciences) [21].

Анализ U-критерия Манна-Уитни обнаружил определенное количество значимых различий в сравниваемых группах испытуемых: калмыков и русских (табл.1).

Таблица 3 – результаты анализа значимых различий по U-критерию Манна-Уитни группах испытуемых: калмыков и русских студентов

Показатель	Rank Sum1	Rank Sum2	U	Z	p-level	Valid N1	Valid N2	RS1	RS2	RS2/RS1
Суверенность Территории	11784,50	29543,50	6933,500	-3,49092	0,000481	98	189	120,25	156,31	1,30
Суверенность Вещей	12043,00	29285,00	7192,000	-3,10321	0,001915	98	189	122,89	154,95	1,26
Суверенность Привычек	12456,50	28871,50	7605,500	-2,48302	0,013028	98	189	127,11	152,76	1,20
Суверенность Ценностей	12520,50	28807,50	7669,500	-2,38703	0,016986	98	189	127,76	152,42	1,19
Общая суверенность	11932,50	29395,50	7081,500	-3,26894	0,001080	98	189	121,76	155,53	1,28
Значимость территории	12248,50	29079,50	7397,500	-2,79499	0,005190	98	189	124,98	153,86	1,23
Значимость привычек	15296,00	25745,00	7790,000	2,07878	0,037638	97	189	157,69	136,22	0,86

Как мы видим в Таблице 3 калмыцкие студенты демонстрируют более высокие значения по следующим показателям: суверенность территории ($RS2/RS1 = 1.30$, $p = 0.000481$); вещей (1.26 , $p=0.0019$); привычек (1.20 , $p=0.013$); ценностей (1.19 , $p=0.017$); общая суверенность (1.28 , $p=0.001$). Это согласуется с теорией С.К. Нартовой-Бочавер о функциях вещей как маркеров личной территории. В этой теории говорится материальных объектах (личных вещах) как о маркерах персональной территории, обозначающих суверенную границу как физического пространства (комната, кровать), так и нематериальных вещей (эмоции, суждения).

Для первой группы студентов характерны более высокие показатели по следующим характеристикам: значимость привычек (0.86 , $p=0.038$). Такие показатели психологического пространства, как значимость социальных связей, границы с миром/социумом не различаются в группах калмыцких и русских студентов, что указывает на универсальность данных характеристик вне зависимости от культурного

контекста.

Гипотеза о наличии значимых различий между русскими и калмыцкими студентами подтверждается частично, так различия есть не по всем характеристикам психологического пространства.

В целом, можно сделать вывод, что культурные различия между русскими и калмыками формируют уникальные конфигурации психологического пространства, где калмыки сильнее суверенном отношении к своей территории, личным вещам, моральным, нравственным ценностям и привычному образу жизни, а русские – в следовании устоявшемуся циклу жизни. Это подчеркивает важность учета культурного контекста в психологических исследованиях и практиках, однако для построения более четкой картины требуются дальнейшие исследования.

Библиография

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 22.11.2025).
2. Ермолаев О. Ю. Математическая статистика для психологов. М.: Флинта, 2003. 355 с.
3. Жданова С. Ю., Краева В. С. Психологическая безопасность российских и китайских студентов, проживающих в общежитии // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2024. № 5 (57). С. 143-153. DOI: 10.23951/2307-6127-2024-5-143-153. EDN: LSWYOH.
4. Зейгарник Б. В. Теория личности Курта Левина. М.: Изд-во МГУ, 1981. 118 с.
5. Зелетдинова Э. А., Дьякова В. В. Укорененность как аспект анализа региональной идентичности (по материалам социологического исследования) // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 11 (91). С. 20-26. DOI: 10.24158/spp.2021.11.2. EDN: WENGAD.
6. Мартиросян К. В. Особенности суверенности психологического пространства студентов в контексте этнической идентичности: кросскультурный аспект // Перспективы науки и образования. 2022. № 2 (56). С. 408-422. DOI: 10.32744/pse.2022.2.24. EDN: VKTXOY.
7. Нартова-Бочавер С. К. Новая версия опросника "Суверенность психологического пространства – 2010" // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105-119. EDN: SGGWJX.
8. Нартова-Бочавер С. К. Понятие "психологическое пространство личности": обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6. С. 1-10.
9. Нартова-Бочавер С. К. Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017. 200 с. EDN: ZTGIOR.
10. Нартова-Бочавер С. К. Три идеи К. Левина, без которых не было бы современной психологии / Жизненное пространство в психологии. Теория и феноменология / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 100-123.
11. Панюкова Ю. Г., Болаева Г. Б. Психологическая репрезентация жизненного пространства: понимание и единицы анализа // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 5. С. 28-32. DOI: 10.24158/spp.2018.5.5. EDN: XPCVVB.
12. Телегина С. Я. Психологическая суверенность подростков, проживающих в родной и неродной культуре // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2016. № 4. С. 146-157. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.412. EDN: YFMSFP.
13. Шамшикова Е. О. Особенности взаимосвязи типов психологических границ и защитных механизмов личности в старшем подростковом возрасте (межнациональные

- различия) // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 178-185. EDN: TFGAEF.
14. Шукова Г. В. Особенности социально-психологического пространства молодых специалистов – практических психологов // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 33. С. 1-12. EDN: SFJGMT.
15. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008. 672 с. EDN: QXSUOX.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования сформулирован как характеристики психологического пространства (суверенность и значимость выделенных областей) у студентов русской и калмыцкой этнической принадлежности, что определено и соответствует содержанию работы. Сравнительный анализ двух конкретных культурных групп является обоснованным.

Методологический подход в целом корректен. Теоретико-методологическая основа работы выстроена на теории поля Курта Левина, что явно отражено во введении. Главный конструкт исследования - «психологическое пространство личности» - является развитием идей К. Левина о жизненном пространстве, что задает правильную концептуальную рамку. Для полноты методологического раздела желательно явно связать операционализацию понятий (суверенность, значимость) с теорией поля. В эмпирической части исследования автор сочетает стандартизированный опросник С.К. Нартовой-Бочавер и проективную графическую методику («Витаграмма»), что позволяет оценить, как объективную защищенность границ (суверенность), так и их субъективную ценностную структуру (значимость). Применен непараметрический U-критерий Манна-Уитни для обработки данных. Однако раздел «Материалы и методы» требует дополнения. Рекомендуется уточнить, проводилась ли проверка данных на нормальность распределения, что обосновало бы выбор непараметрического критерия. Для научной работы необходимо предоставить в тексте более подробное описание результатов статистического анализа, указав точные значения U-критерия и уровня значимости, а не только соотношение ранговых сумм. Необходимо детализировать процедуру экспертной оценки «Витаграммы» (критерии, расчет согласованности экспертов).

Актуальность темы не вызывает сомнений. Автор верно отмечает ее важность для межкультурного диалога, адаптации и образовательного процесса в полиэтнической среде. Проблема исследования вписана в современный контекст и подтверждена ссылками на работы других авторов, изучавших сходные вопросы в иных этнических группах.

Научная новизна заявлена, однако ее формулировка требует уточнения. Утверждение, что новизна «заключается в недостаточной исследованности темы», логически относится к обоснованию актуальности. Было бы корректнее сформулировать новизну как проведение первого сравнительного исследования характеристик психологического пространства именно на стыке русской и калмыцкой культур. Полученные эмпирические данные о специфике суверенности и значимости у этих групп и составляют реальный новый вклад данной работы.

Структура статьи традиционна и логична: от теоретического обоснования к эмпирической проверке. Введение обосновывает актуальность темы. Содержательная

интерпретация результатов является проработанной стороной работы. Автор предлагает культурно-психологическое объяснение выявленных различий.

Однако стиль изложения и техническое качество текста требуют доработки.

Текст местами балансирует между академическим стилем и житейским изложением. Для научной статьи стоит стремиться к большей точности формулировок. Присутствует обилие пунктуационные и грамматические ошибки. Необходимо обратиться к корректору.

Логика изложения: выводы логично следуют из результатов, но утверждение о «тенденции на европейский образ жизни» у русских студентов нуждается либо в научном пояснении, либо в более нейтральной формулировке (например, «влияние урбанизированной среды»).

Оформление: в тексте есть ссылки на Таблицу 1 и Рисунок 1, но отсутствуют прямые корректные указания в момент обсуждения.

Список литературы в основном соответствует современному состоянию проблемы. Недостатком является несоответствие нумерации ссылок в тексте и в списке литературы, а также опечатки в именах авторов. Например, ссылка [3] в тексте ведет на работу Ждановой С.Ю. и Краевой В.С., а в библиографии под номером 3 стоит книга Зейгарник Б.В. Это ошибка, которая требует обязательного исправления, так как ставит под сомнение добросовестность цитирования. Необходима тщательная проверка и выверка всех ссылок. Шамшикова по тексту имеет разные отчества.

Автор учитывает существующие подобные исследования в данной области (работы с китайскими, армянскими выборками), что показывает понимание научного контекста.

Полученные выводы представляют практический интерес для круга специалистов. Для исследователей в области кросс-культурной и этнической психологии ценность представляет выявленная специфика: более выраженная суверенность ключевых областей у калмыцких студентов при более высокой субъективной значимости привычек у русских. Таким образом, работа имеет хороший потенциал для практического применения: значимость привычных ритуалов позволяет точно выстраивать работу по адаптации и профилактике межкультурных конфликтов в студенческой среде.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования и объект исследования в статье явно не прописаны, но следуют достаточно очевидно из самого заголовка работы. Очень четко и весьма корректно прописана цель исследования, также прописаны задачи исследования, они логичны, и последовательно вытекают из заявленной цели исследования.

Методология исследования очень грамотная. Есть лишь несколько замечаний к математической обработке.

Во-первых неплохо было бы привести описательные статистики выборки. Указать возраст, это хорошо, но недостаточно. Какой пол? какой курс? Какая специальность? Сельскохозяйственный вуз сравнивается с как бы классическим университетом. Стоит

также порассуждать теоретически о различиях выборки, и что могут они показать.

Во-вторых - не совсем понятно, зачем приведены громоздкие формулы. Авторы считали согласованность мнений экспертов вручную? Для подсчета согласованности есть известный показатель - альфа Кронбаха. Она рассчитывается любым статистическим пакетом. Авторам неплохо бы объяснить, что за W , и откуда он взялся, что он показывает. Напомним, что журнал, куда авторы подают свою работу - это журнал по психологии, но не журнал по математике, многим читателям будет непонятно - что же все-таки считали авторы, и как. Стоит использовать традиционные инструменты или объяснять подробно, что показывает критерий, использованный авторами.

Далее, тест на нормальность был произведен, судя по авторскому тексту: "Прежде чем начать статистические исследования выборки нам необходимо провести проверку данных, полученных с помощью вышеперечисленных методик, на соответствие закону нормального распределения данных. По итогам проверки подчиняется нормальному закону распределения только по 5 характеристикам"

Однако, КАКОЙ тест на нормальность производили авторы? Каким критерием (из трех самых популярных) они это измеряли? Где результаты проверки на нормальность? Неплохо бы это привести в тексте.

Сам анализ критерием Манна-Уитни не вызывает критики, результаты приведены очень грамотно. Единственное, а какие еще шкалы есть в тестах? Непонятно, на самом деле, по какому количеству шкал производились измерения, даны только те, где есть значимые различия. Это на самом деле не слишком серьезная ошибка, но стоит чуть подробнее описать инструментарий.

Вообще говоря, наиболее качественным представлением данных было бы представление и сравнение по каждой методике, по каждой шкале. Представление данных по каждой методике отдельной таблицей по каждой шкале. И только потом сводная таблица.

Обсуждение результатов также стоит расширить.

Вот эта фраза вызывает нарекания: >Как мы видим в Таблице 1 и Рисунке 1 калмыцкие студенты демонстрируют более высокие значения по следующим показателям: суверенность территории ($RS2/RS1 = 1.30$, $p = 0.000481$); вещей (1.26 , $p=0.0019$); привычек (1.20 , $p=0.013$); ценностей (1.19 , $p=0.017$); общая суверенность (1.28 , $p=0.001$). Это согласуется с теорией С.К. Нартовой-Бочавер о функциях вещей как маркеров личной территории.>

Допустим, рецензент(ка/ы) не знаком(а/ы) с теорией С.К. Нартовой-Бочавер. Возникает вопрос, КАК согласуются результаты с данной теорией. Из конкретного текста читатель может заключить: "у нее в теории для Калмыков более важна территория, чем для русских". Смотрим литературный обзор, но там данные только по армянам. И лишь далее по тексту авторы немного развивают свою мысль: >Для студентов первой группы характерны более высокие значения по показателям значимости привычек, то есть многие элементы их психологического пространства связаны на каждодневных ритуалах и привычных действиях. Возможно, русские студенты не имеют значимых различий как у калмыков в силу повсеместного проживания на территории страны и влияния жизни в

мегаполисе>. То есть это авторское предположение? Причем тут тогда теория Нартовой-Бочавер?

Мы, конечно, не можем оценивать авторов лично, но есть ощущение некоторой торопливости в работе. В принципе, понятно, что авторы хотят сказать, об этом можно догадаться, но это не следует из текста статьи. Стоит, во-первых, чуть больше места этнопсихологическим исследованиям, расширить литературный обзор. Во-вторых, еще больше места уделить теории С.К. Нартовой-Бочавер - показать, вероятно, какие-то еще исследования, на ней основанные. Также показать больше этнопсихологических сравнительных исследований, не только работы Телегиной и Мартиросяна. Может быть по калмыкам есть еще исследования? Авторам стоит посмотреть социологические и этнографические работы, часто они стоят рядом с психологическими исследованиями.

А вот этот вывод достаточно рискован: >В целом, можно сделать вывод, что студенты второй группы демонстрируют более выраженную суверенность, что может быть связано с традиционным укладом, акцентом на автономию и уважение к личным границам. >

Сумма компонентов не равно целостному. Это очень важно понимать. Или в таком случае надо дать более подробное описание методик.

Наконец, создается впечатление, что результаты приведены не полностью. Авторы заявили две методики, метод экспертных оценок, метод категоризации (чего? категоризация это методика, относящаяся ко многим количественным и качественными методам - что хотят сказать авторы? о чем это?) и неизвестный метод "итд" (так не надо писать в научных статьях, каждый метод должен быть подробно описан). И хотя процедура описана, итоговый анализ немного "куцый", а при этом выводы - далеко идущие.

Хотелось бы видеть конкретный анализ последовательно по методикам, по оценкам, с расписанными шагами процедуры, с подробно прописанной математикой.

Актуальность и новизна не прописаны прямо, вероятно, стоит опереться на некоторое количество актуальных исследований. Также, предположим, что в зарубежной литературе могут встречаться похожие теории и похожие исследования. Может быть, стоит их обозреть? Или указать на дефицит, что безусловно повысит актуальность и новизну.

Стиль и структура статьи научные, соответствуют требованиям.

Библиография и апелляция к оппонентам уж слишком маленькие. Выше мы описали пожелания к исправлениям.

Вывод таков, статья является скорее очень хорошей заготовкой. Как тезисы конференции такая работа бы прошла без сомнений. Но как полноценная статья работа требует расширения. Немного поможем авторам.

1) Стоит расширить литобзор. Актуальность, новизна, подобные исследования. Также, как мы указали выше - более подробное описание теории Нартовой-Бочавер.

- 2) Методология - дать описательные статистики выборок, подробнее описать процедуру экспертных оценок (чего?), категоризации (чего?).
- 3) Представление результатов - подробно по каждой методике отдельно таблицы со сравнениями, согласованность мнений экспертов через Альфа-Кронбаха, или подробно описать, почему использовано то, что использовано, паче это не очевидно. Представить проверку на нормальность распределения - по каждой методике. В общем расширить анализ. Это расширит и воспроизводимость.
- 4) Обсуждение результатов - конкретно пояснить - что согласуется с теорией и как, что согласуется с другими исследованиями, эксплицировать свои выводы, показать логику.

В целом статья нуждается в доработке, но это не ПЕРЕработка, а лишь развертывание того, что уже сделали авторы. Исследование необходимо представить полнее и богаче.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Различия характеристик психологического пространства у студентов разной этнической принадлежности» (журнал «Педагогика и просвещение»)

Предмет исследования

Статья посвящена сравнительному анализу характеристик психологического пространства у студентов разной этнической принадлежности (русские и калмыки) в рамках концепции суверенности психологического пространства С.К. Нартовой-Бочавер. Рассматриваются значимые сферы бытия (тело, территория, вещи, привычки, социальные связи, ценности) и общий показатель суверенности, выявляются межгрупповые различия.

Методология исследования

Методический аппарат в целом адекватен цели: применены опросник «Суверенность психологического пространства» и методика «Витаграмма» с экспертной категоризацией, выполнена проверка согласованности экспертов (α Кронбаха = 0,738), проверка распределений (К-С) и обоснован выбор непараметрического U-критерия Манна-Уитни.

Актуальность

Актуальность исследования обоснована: в многонациональной образовательной среде знание культурно обусловленных особенностей психологического пространства важно для межкультурного взаимодействия, адаптации и психолого-педагогического сопровождения студентов.

Научная новизна

Работа восполняет дефицит эмпирических данных о психологическом пространстве калмыцких студентов и сопоставляет его характеристики с русскими студентами. Полученные различия по ряду сфер (территория, вещи, привычки, ценности, общая суверенность) расширяют представления об этнокультурной специфике суверенности границ.

Стиль, структура и содержание

Статья структурирована логично (теория — методы — результаты — интерпретация). Теоретическая часть опирается на классические и современные источники, однако местами перегружена повторяющимися определениями; полезна редакционная правка и унификация оформления (нумерация таблиц, стилистические неточности).

Библиография

Список литературы релевантен теме и включает как фундаментальные источники (Левин, Зейгарник), так и ключевые работы по суверенности психологического пространства (Нартова-Бочавер), а также современные эмпирические исследования, затрагивающие этнокультурные аспекты суверенности и идентичности. Оформление в целом корректно, источники поддерживают основную аргументацию статьи.

Апелляция к оппонентам

Автор выстраивает обсуждение в диалоге с существующими исследованиями (российско-китайские студенты, русские-казахские подростки, этническая идентичность русских и армянских студентов и др.), демонстрируя понимание культурной специфики суверенности и её связи с идентичностью и безопасностью. Для усиления дискуссионности можно более чётко обозначить альтернативные интерпретации выявленных различий (например, роль региональной укоренённости, особенности образовательной среды разных вузов) и развести этнический и территориально-социальный компоненты влияния.

Выводы и интерес аудитории

Результаты представляют интерес для психологов образования и специалистов по сопровождению студентов. Показано, что у калмыцких студентов выше суверенность территории, вещей, привычек, ценностей и общая суверенность; у русских — выше значимость привычек; по части параметров различий нет, что подчёркивает сочетание универсальных и культурно-специфических компонентов психологического пространства.

Заключение

Статья соответствует профилю журнала и может быть рекомендована к публикации.